

УДК 94(47).083+281.93

Н.А. СТАРУХИН

**ИГУМЕН КАЗАНСКОГО БЕЛОКРИНИЦКОГО СКИТА ФЕОФИЛАКТ (САВКИН)
И ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ***Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье рассматривается творчество одного из самобытных представителей белокриницкого монастыря игумена Феофилакта (Савкина). На основе сохранившегося эпистолярного наследия сибирского скитника выделяются этапы его творческой биографии, проводится содержательный анализ посланий. Определяются ключевые направления внутренней и внешней полемики сибирских «австрийцев».

Ключевые слова: белокриницкое согласие, иночество, часовенные, полемика.

Изучение русского староверия учеными ведущих научных центров страны давно стало устоявшимся фактом отечественной историографии. Однако все еще остается крайне важной реконструкция региональной истории старообрядчества, поиск и введение в научный оборот документальных источников, сочинений разных жанров апологетов «древлеправославия». Во многом не являются исключением история и идеология одного согласия, белокриницкого («австрийского»), организационно оформившегося осенью 1846 г. вне пределов досягаемости российского правительства на территории Австрийской империи.

Возникновение нового согласия, распространение его как вообще в России, так и на востоке страны, где с середины 1860-х и в 1870-е гг. все активнее начинают заявлять о себе белокриницкие мирские и монашеские общества, подтолкнуло очередную волну споров в разрозненном мире староверия. Далеко не идеальными были отношения и между лидерами общин, местными обществами и белокриницким епископатом. И если общая история согласия, ранняя литература «австрийцев» привлекали внимание как дореволюционных, так и современных исследователей, то сибирские белокриницкие организации, идейная борьба в них явно остаются недостаточно изученными.

Заявленная тема представляется актуальной и в связи с необходимостью изучения эпистолярного жанра «австрийцев», его специфики.

Одной из ярких фигур на поприще идеологической и общественной борьбы в белокриницком согласии на рубеже XIX–XX вв. является основатель Казанского (позже – Новоархангельского) скита под г. Томском о. Феофилакт (в миру Федор Иванович Савкин). Первоначально о. Феофилакт и группа его единомышленников, участвовавших в основании скитского центра, принадлежали к другому направлению староверия – часовенному. В течение 1863 г. о. Феофилакт

принимал энергичное участие по выходу тайных староверов нескольких крестьянских обществ Оренбургской губернии из приходов официальной православной церкви и вместе с другими участниками этой акции был заключен в оренбургскую тюрьму. После побега из тюрьмы около 1868 или 1869 г. о. Феофилакт проживал некоторое время в скитах часовенных в Уфимской губернии. Видимо, там же он принял иночество («накрытие»). Примерно через год после побега из заключения он избирается руководителем одного из скитов, а затем переселяется в 1875 г. с группой черноризцев в Семилуженскую волость Томской губернии.

Исследование творчества о. Феофилакта интересно как в организационном (основатель достаточно крупного монастырского центра), так и в идейном плане: его сочинения, основанный им центр становятся известными далеко за пределами урало-сибирского региона, где влияние томского игумена было наиболее сильным.

На сегодняшний день из творчества о. Феофилакта доступно, прежде всего, его эпистолярное наследие. Но сибирский отшельник пробовал себя в разных литературных жанрах. Так, на наличие полемических сочинений, составленных томским игуменом, указывал маститый синодальный исследователь Н.И. Субботин, сравнивавший сибирского монаха с известным белокриницким апологетом Анисимом Швецовым [1, с. 107–109]. По источникам прослеживается интерес о. Феофилакта к каноническому и уставному творчеству, созданию исторических сочинений¹.

Эпистолярный этого «сибирского Златоуста» насчитывает более семи десятков посланий, отложившихся в разных архивохранилищах; немалая часть из некогда обширного наследия томского игумена утрачена. Как правило, сохранившиеся послания носят адресный характер и написаны в 1880–1900-х гг. Этот временной промежуток, крайне интересный в исследовательском отношении, можно назвать пе-

*Статья подготовлена при содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№ НШ-2318.2012.6).

¹ РГБ. Ф. 246. К. 189. Ед. хр. 5. Л. 36–37 об.; К. 193. Ед. хр. 3. Л. 43–43 об.

риодом становления ранней публицистики староверов-белокриницких в целом. Именно в указанное время появляются первые периодические (заграничные) издания «австрийцев», их общественные организации [2, с. 2–4; 3, с. 1–3; 4, с. 56–57, 271–272]. Это обстоятельство существенно повлияло на литературное творчество белокриницких староверов, в том числе сибирских.

Более детальное знакомство с посланиями о. Феофилакта позволяет распределить их по разным, не равным по протяженности временным промежуткам: переписка периода обращения в белокриницкое согласие и организации Казанского скита после перехода к «австрийцам» (1879–1880 гг.); послания, написанные в период организации епископской кафедры в Томской губернии и конфликта с московским Духовным советом и архиепископией (1884–1889 гг.); переписка после снятия запрета игумена на служение и руководство скитом, наложенного архиепископией, ареста властями и выхода его из томской тюрьмы, а также основания Новоархангельского скита (рубеж 1900-х гг.). Наиболее интенсивный характер переписки приходится на первые два этапа деятельности скитника (не менее 50 посланий).

Самым ранним датированным источником, вышедшим из-под пера о. Феофилакта, является его «Молебное послание» московскому архиепископу Антонию (Шутову) в августе 1879 г. Попутно укажем, что одним из источников «Послания» бывшего часовенного черноризца послужила «Краткая история древлеправославной Российской церкви благочестивого священства», изданная незадолго до его обращения в одной из заграничных типографий «австрийцев» (Яссы, 1878 г.). Скорее всего, именно указанное сочинение использовано позднее под другим наименованием в одном из основных исторических сочинений часовенных конца 1880-х гг. – «Родословии» о. Нифонта². Во всяком случае, совпадает, с небольшим различием в наименованиях, часть использованных источников, обозначенных в этих сочинениях: «Реестр ветковских священников...», «Беседословие старообрядца с новообрядцем» иргизского инока Сергия Юршева. В том и другом сочинениях использовалась общая и хорошо известная для беглопоповской традиции работа керженского писателя XVIII в. Ионы Курносого «О бегствующем священстве», другие «старописьменные истории» [5, с. 646; 6, л. 3; 7, с. 048; 8].

В своем «Молебном послании» о. Феофилакт уже предстает перед нами как талантливый писатель, явно просматривается его стремление актуализировать события. В частности, отказ от приема православных священников у часовенных Феофилакт связывает, прежде всего, с правительственным разгромом Иргизских монастырей, т.е. с политическими причинами.

Другие материалы, которые легли в основу «Молебного послания» будущего томского игумена в московскую архиепископию «австрийцев», представляют собой устные беседы и диспуты, источники канонического права³. Использовал их о. Феофилакт вполне квалифицированно и, на наш взгляд, достаточно ясно смог сформулировать

позицию как одной из умеренных групп часовенных, связанной с подзаводскими скитами Урала и купеческой верхушкой, так и далеко неоднородной скитской организацией этого согласия.

В связи с этим отметим, что переход к «австрийцам» бывших часовенных черноризцев явно обострил полемику не только по проблеме появления белокриницкого епископата. Практически сразу же поднимаются споры о природе (духовной или чувственной) Антихриста. И то, что полемика затронула основные скиты часовенных, включая известный скит о. Нифонта, ведущий свою преемственность от знаменитого пустынножительного центра софонтиевцев XVIII в. – скита Дионисия – Максима, безусловно, говорит о важности поднятых в ходе диспутов вопросов.

Отметим основные темы других посланий о. Феофилакта периода лета–осени 1880 г. Прежде всего, это хорошо известная исследователям по более ранней старообрядческой литературе тема исповедания веры и почитания своих учителей [9, с. 10]. Крайне примечательна и впервые, насколько известно, поднимаемая именно о. Феофилактом тема взаимоотношений городских и сельских обществ «австрийцев».

С очерченной выше проблематикой тесно связана группа посланий и самого о. Феофилакта 1884–1889 гг., и близких к его скиту мирских обществ, хотя тематический спектр в этих сочинениях уже существенно расширяется. В посланиях томского игумена этого периода можно выделить несколько направлений. Помимо трений с епископатам, внутренних вопросов самой иноческой организации, о. Феофилактом обозначается и проблема взаимоотношений с белым духовенством. Весьма болезненными по своим последствиям для игумена станут его обличения «сильных и богатых» мира сего – влиятельных попечителей столичных обществ. Присутствует и критика представителей светской и церковной администрации.

Именно в этот период послания монаха приобретают наибольший публицистический накал. Наблюдается и определенная идейная эволюция у самого о. Феофилакта. От идеализации староверческого епископата и попыток контактов с купеческой верхушкой, обличений отдельных представителей высшей иерархии «австрийцев» игумен переходит к жесткой критике руководства московской архиепископии и белокриницкого епископата в целом.

Конечно, позиция томского игумена не могла остаться незамеченной как архиепископией, так и московским Духовным советом. Вероятно, уже начиная с 1887 г. о. Феофилакт последовательно отлучается епископатам и стоявшим за этим отлучениями московским Духовным советом не только от руководства скитом, но и от священнических обязанностей.

Указанные нами противоречия накладывались на недовольство пустынников, связанное с содержанием Казанской обители, недостаточным, по их мнению, вниманием епископата к этому вопросу, и, прежде всего, запретом на свободные отлучки иноков из монастыря для сбора милостыни. Сыграла свою роль и попытка запретить томским епископом Мефодием (Екимовым) чтение переводных (изданных в синодальных типографиях) житий святых во время скитской трапезы. Реакция Мефодия была вполне предсказуема – для консервативно настроенной части «австрийцев», к которой

² В «Родословии» о. Нифонта сочинение фигурирует под названием «Белокриницкая история».

³ РГБ. Ф. 246. К. 188. Ед.хр. 4. Л. 67.

томский епископ и относился, использование академических синодских изданий являлось недопустимым новшеством. Но иноками скита, самим о. Феофилактом такие шаги епископа рассматривались как грубейшее вмешательство во внутренние дела иноческой организации.

Программные требования, связанные с частично затронутыми выше конфликтами этого периода, которые отражали взгляды не только мирских и иноческих обществ, но и скитских лидеров – в том числе о. Феофилакта, прежде всего, были изложены в прошениях томского (сентябрь 1888 г.) и колыванского (январь 1889 г.) обществ⁴. Иноки скита и сам Феофилакт активно участвовали в составлении этих прошений.

Ярким отличием прошений является их социальная заостренность, затрагивается тема «враждебных властей». В наибольшей степени это характеризует прошение томского общества:

«...Миссионеры нечестивые со всем рвением иезуитской хитрости продолжают свое дело усердно; теснят правоверующих отсюда при посредстве местных властей неверующих... Все редакции поносят старообрядцев, и не один цензор не протестует... В каждом городе сотни капищей Бахуса ...и кумирница Венеры...у нас не преследуются, но еще законом ограждаются...»⁵. Сами институты власти, ее государственная символика прямому обличению не подвергаются, но недовольство властями, как своими, так и «внешними», явно присутствует. При этом составители документа умело используют пророческие книги: «Несть во время се князя, ни пророка, ни вождя, ни места, еже пожрети пред Господом и обрести милость»⁶.

При всей общности тем, колыванское прошение касается больше внутренних проблем согласия, хотя использование Кирилловой книги и Книги о вере – известных переработок сочинений западнорусских борцов XVI–XVII вв. против папства и унии придает и этому посланию определенную политическую направленность. Это открывает возможность для острой критики руководства своего согласия:

«...уподобившись безпоповцам, или как новые белоусцы, мы ныне страждем. Но разница в том, что последние от угнетения чужих властей, католиков и униатов терпели известное всем злострадание. А наша сибирская церковь в настоящее время страдает и разоряется, как видно из дел, от не милосердия и не внимания к нашим духовным нуждам ... наших архипастырей»⁷.

Очень тесно тематически и хронологически связано с прошениями томского и колыванского обществ 1888–1889 гг. другое яркое послание Феофилакта в московскую архиепископию. Условно его можно назвать посланием-обращением «Пастырем, отцем и братием»⁸. Послание не датировано, но анализ его содержания, как и место хранения в делопроизводстве архиепископии позволяют предположить, что оно было составлено не позднее лета–осени 1890 г.⁹ Послание,

по всей вероятности, адресовалось кому-то из столичного духовенства, среди которого Феофилакт искал поддержки в период конфликта с московской архиепископией. В нем томский игумен продолжает тему обличения верхушки согласия, причем явно просматривается как расширение проблематики, так и дальнейшая радикализация взглядов автора. В частности, Феофилакт выражает откровенное недовольство не только представителями светской и духовной администрации «австрийцев», но и церковными и гражданскими властями. Инок приводит прямые параллели между представителями своей (белокриницкой) и гражданской администраций. Более того, критика последней со стороны опального монаха носит уже персональный характер. Феофилакт пишет:

«Нет нужды, что ныне не видим мы в Синоде Чебышева и Милиссино, но мы знаем графа Протасова и помним достопамятные слова его... сказанные недавно (!) при назначении его в обер-прокуроры... я ныне министр, архиерей, и черт знает что. Такая фраза... явно указывает на полное отсутствие религиозности тех людей, с которыми вы общение иметь не считаете грехом, а нецыи из вас и за еретиков не считают сих, и позволяют молиться за живых и мертвых. А г. Шибаев не лучше Протасова называет наших епископов... и не малейшему замечанию за это не подвергается...»¹⁰.

Примечателен, и, конечно, не случаен приводимый о. Феофилактом список обер-прокуроров Синода, явно не отличавшихся своей религиозностью. Таким образом, указанное послание характеризует томского игумена как человека, неплохо ориентирующегося в церковной истории, событиях, происходящих за стенами монастыря. Кроме того, послание интересно и с точки зрения выстраивания «системы авторитетов» сибирским иноком:

«Братие! И когда же ваши уста будут устами блаженнаго Феодора Студита, преподобного Максима Исповедника и св. Максима Грека. Где ныне онии витии истинны, где златыя уста двух великих Иоаннов – Предотечи и Златоуста. Где новии Илия и Иеремия, где русское украшение св. Филипп митрополит. Где чудныи Гермоген, и подобныи сим пастыри положивши душу за людей...»¹¹.

Как нетрудно заметить, в послании «Отцем и братием» о. Феофилакт продолжает хорошо знакомую по его предыдущим посланиям тему «доброго пастыря». Но эта тема выводит отшельника на более широкую проблематику, связанную с обличением всяческих властей.

В дальнейшем о. Феофилакт будет писать гораздо меньше¹². Практически неизменным останется и круг поднимаемых в его сочинениях тем. Важно подчеркнуть, что тематика посланий одного из ярких и интересных авторов белокриницкого согласия о. Феофилакта во многом дополняет сочинения столичных белокриницких апологетов (например, о роли демократических начал в жизни согласия), а в отдельных случаях – при обличении церковных и гражданских властей – предвосхищает их.

⁴ РГБ. Ф. 246. К. 197. Ед.хр. 3. Л. 25–30, 35–38.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 35–35 об.

⁸ Там же. К. 199. Ед.хр. 2. Л. 28–33 об.

⁹ Там же. Л. 61–61 об., 96–96 об.; К. 200. Ед.хр. 5. Л. 2.

¹⁰ Там же. К. 199. Ед.хр. 2. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Переписка рубежа 1900-х гг. касается, прежде всего, хозяйственных проблем и вопросов внутренней организации сибирских обществ. – См.: РГБ. Ф. 246. К. 199. Ед.хр. 2. К. 200. Ед.хр. 5.; РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 200, 201, 203, 204.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись происходящих в расколе событий за 1890 год. М., 1891.
2. Старообрядец. Коломыя, 1881.
3. Слово правды. Браила, 1896.
4. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
5. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т. 1.
6. Краткая история древлеправославной Российской церкви благочестивого священства. Яссы, 1878.
7. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.
8. *Есиков Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа. СПб., 1863. Т. 2.
9. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2012

УДК 94(47).083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ СРЕДИ МОБИЛИЗОВАННЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ИЮЛЯ 1914 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail:istorik.novosib@gmail.com

В статье рассматриваются массовые протестные акции призванных в действующую армию сибиряков в период массовой мобилизации в июле 1914 г., выясняются их причины и действия властей по наведению порядка.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, массовые выступления, бунты.

С 14 июля 1914 г. в Омском и Иркутском военных округах вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Административным и правоохранительным органам предписывалось «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в стране началась массовая мобилизация запасных, с 22 июля призывная кампания распространилась на ратников государственного ополчения.

Мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, где проживало более 40 % населения региона. В сельской местности они происходили с 19 июля до конца месяца. Так, 21 июля в волостном селе Шаховском Барнаульского уезда мобилизованные разгромили волостное правление, дома сельского старосты и волостного писаря, а в с. Павловском «тысячи запасных, следующих в Барнаул», подвергли погрому волостное правление и контору лесничего. В донесении тобольского губернатора А.А. Станкевича в МВД от 21 августа 1914 г. утверждалось, что «мобилизация протекала успешно, при соблюдении в общем полного порядка». Но, «к сожалению, в некоторых местах Тюкалинского уезда и, отчасти Ишимского, порядок этот был нарушен следовавшими на сборные пункты запасными нижними чинами, допустившими насильственные действия по отношению к лицам сельской администрации и чиновникам, сопровождавшимися похи-

щением вина»¹. Более откровенным был томский губернатор В.Н. Дудинский, который в аналогичном донесении от 2 сентября признавал: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми ими на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии... В Барнаульском уезде были произведены разгромы канцелярий лесничества Алтайского Округа и массовые порубки леса»².

Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири [1, с. 107–112] я насчитал в четырех губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. В Иркутской губернии волнения имели место в 7 селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селах Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. В Тобольской губернии – в 6 селах и 2 деревнях Ишимского и Тюкалин-

¹ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 108, ч. 76. Л. 7–7 об.

² Там же. Д. 108, ч. 77. Л. 11.